

THOMAS FUCHS
LEIB UND LEBENSWELT.
NEUE PHILOSOPHISCH-PSYCHIATRISCHE ESSAYS
Die Graue Edition, 2008

К области исследовательских интересов автора книги, философа и врача, профессора психиатрии и психотерапии из Хайдельберга Томаса Фухса относятся история медицины и феноменологическая антропология, психопатология и психотерапия, теоретическая неврология и медицинская этика. Эссе, вошедшие в его новую книгу, посвящены взаимосвязи телесности и жизненного мира; они являются своеобразным продолжением ряда философско-психиатрических статей, опубликованных автором ранее и касавшихся здоровых и патологических проявлений временности экзистенции, а также критического анализа противоположности развития культуры и науки.

В первой части книги, названной *Феноменология телесной экзистенции*, автор показывает, что тело как первичная основа нашего опыта бытия в мире имеет свою жизненную историю. Феноменологическое исследование взаимосвязи телесности и жизненного мира позволяет выявить временной характер телесной экзистенции как основу этой взаимосвязи. Мы обитаем на этой земле и проживаем свою жизнь не иначе как в собственном теле, но лишь изредка осознаём, до какой степени тело запечатлено в наших переживаниях и в нашем общем жизненном мире. Весь наш опыт с самого раннего детства фиксируется в телесных структурах памяти, делающих возможной нашу повседневную связь с вещами, ситуациями и другими людьми. Закреплённые в телесной памяти навыки и способности невидимой сетью накладываются на окружающий нас мир, неразрывно нас с ним связывая. Эта телесная память, замечает Фухс, вовсе не находится где-то внутри нас, а, скорее, рассредоточена в пространстве, в котором мы живём, становясь основой наших доверительных отношений с миром, нашей компетентности и осведомлённости во взаимодействиях с ним.

В таком представлении о телесной памяти автор обнаруживает возможность сопоставить между собой психоанализ и феноменологию – две теории, которые, чуть ли не одновременно появившись в европейской мысли, вместе с тем остались чуждыми одна другой в своём восприятии роли сознания и, соответственно, бессознательного. Решающая роль тела в психоаналитической теории влечений очевидна: она определяется исторически развивающейся последовательностью влечений, связанных с определёнными телесными сферами и накладываютых свой отпечаток на психическое

развитие индивидуума. Однако если рассматривать сознание как *вертикальную* структуру, в которой посредством механизма вытеснения бессознательное отделяется от предсознания, то разного рода телесные симптомы, промахи и оговорки оказываются по отношению к Я чуждыми и бессмысленными.

Фухс усматривает одну из возможностей феноменологической критики такой концепции в том, чтобы взглянуть на субъективность в *горизонтальном* измерении и отыскать бессознательное в телесном поведении и в структурах жизненного пространства личности. При этом телесная память получает особую роль, поскольку она превращает телесный и межтелесный опыт человека в имплицитную готовность, лежащую в основе телесного поведения. Пережитые ситуации и действия уже не извлекаются по отдельности, но, формируя структуру привычек, оказываются вплавленными в телесную память. С точки зрения феноменологии телесности, бессознательное не является чем-то поселившимся внутри психики индивида, оно, скорее, окружает и пронизывает сознательную жизнь, выражая себя главным образом в межтелесном взаимодействии с другими. Ошибочные действия и модели отношений, избегаемые позиции и упускаемые возможности, невротические и психосоматические симптомы проявляются в межтелесном интерактивном поле, где их социальный смысл если и не очевиден, то может быть понят и истолкован.

Если, как предлагал Гуссерль, смотреть на жизненный мир как на «универсум предзаданных самопонятностей», то телесная память оказывается тем, что размыкает для нас этот универсум. Жизненный мир создаёт общую взаимосвязь смыслов и значений, которые мы «впитываем с молоком матери», которые в результате повторений входят в нашу «плоть и кровь», становясь чем-то само собой разумеющимся, осуществляемым в отношениях с другими, без того чтобы обращать на них особое внимание. На основе такого накапливающегося в телесной памяти телесного и межтелесного опыта и складывается, в конечном итоге, основополагающая самопонятность мира.

Автор напоминает, что традиционная западная антропология исходит из идеи двойственной природы человека, который, с одной стороны, сродни животным и похож на них своими телесными потребностями и влечениями, а с другой – принципиально отличается наличием разума, благодаря которому обретает язык, культуру, искусство, науку и технику. Две составляющие человеческой природы противостоят одна другой: в животной сущности нет никаких черт рационального, а в рациональности как духовной разумности нет ничего животного. Как природное существо человек зависит от своих инстинктов, а как духовное – способен к свободному самоопределению; разум человеком культивируется и облагораживается, его низменная животная природа этому явно сопротивляется.

Эта дуалистическая картина становится всё более сомнительной в свете достижений современной науки: эволюционной

биологии, психологии развития, неврологии и когнитологии, – наводящих на мысль о возможности замены традиционного образа человека как «гражданина двух миров» некоторой новой антропологией, которая выявила бы более тесную взаимосвязь особой духовной природы человека с его телесностью.

Задаваясь вопросом о том, не является ли *социальная телесность* человека возможным соединением противоположностей животной сущности и рациональности, природы и культуры, Фухс показывает, что присущая человеку интерсубъективность заложена и реализуется именно в его телесности, причём ещё до того, как у него развиваются речь и самосознание. С этой точки зрения и *lógos* можно рассматривать как некоторую форму усиления той сферы совместного телесного общения, которая нас как людей всегда уже соединяет друг с другом. Согласно этому тезису, человеческое тело, с одной стороны, представляет собой природный «предмет», а с другой – оно всегда уже включено в интерсубъективные отношения, так что человек в своём телесном бытии является одновременно и природным, и социальным.

Социальные измерения телесности становятся очевидными при феноменологическом анализе различных форм её проявления. Подражая другим, мы осваиваем функции собственного тела в обращении с окружающими нас предметами, мы обращаемся к другим со своими желаниями и эмоциями, мы устанавливаем коммуникацию и культивируем собственное тело в соответствии с культурой, традициями и требованиями общества, перенимая из социальной сферы позиции и роли.

Согласно взглядам Гуссерля, а затем Сартра и Мерло-Понти, тело как само собой разумеющееся средство человеческой экзистенции в своём функционировании является живым, подвижным и восприимчивым. И вместе с тем скрытым и таящимся от самого себя в своём действии, одновременно и не замечаемым, и предшествующим всякой рефлексии. Все наши чувства, восприятия, представления, мысли и действия происходят на основе некоторого *телесного фона*, который мы никогда не можем вывести как целое перед своим взглядом и сознанием.

Собственное тело является для человека не одним из объектов в мире, а совокупностью возможностей, открывающих ему мир. Эти возможности, однако, не предоставлены нам в распоряжение изначально, а осваиваются постепенно в процессе сенсомоторной деятельности, когда мы, с одной стороны, «обживаем» своё тело, а с другой – устанавливаем доверительные отношения с формами, цветами, звуками и запахами вещей, обучаемся тому, как с ними обращаться. Особенностью этого процесса является то, что он происходит не под влиянием инстинктов, а в социальном контакте, посредством сначала невольного, а затем всё более целенаправленного подражания. Обусловленное культурой развитие человека не накладывается на его биологическую природу сверху, как обложка, но предваряется изначально соотносённостью в нём животной и

социальной сущности. В телесных структурах опыта уже всегда содержится Другой, он понимается в выражении, преследуется в желании; межтелесность обеспечивает тесную связь биологического и социального развития в раннем детстве, создавая возможность для того, чтобы, вобрав в себя дуализм природы и культуры, тела и духа, человек реализовал свой специфически человеческий потенциал.

Во вторую часть книги, названную *Психиатрическая феноменология*, вошли эссе, затрагивающие тему нарушения нашей само собой разумеющейся телесной включённости в жизненный мир. В том, что принято считать психопатологией, при феноменологическом рассмотрении всякий раз обнаруживаются своеобразные экзистенциальные послания, излагающие на языке телесных и межтелесных взаимодействий то, перед чем бессильна устная и письменная речь. Молчание оказывается не просто отсутствием речи, но своим «немым криком» свидетельствует о неспособности переживших травму или страдающих душевной болезнью найти слова для выражения боли, удивления, ужаса, горя или возмущения. Насилие, на которое решается человек с нарушенной способностью к эмпатии и которое выглядит полным безумием, оказывается отчаянной, и имеющей свою долгую историю, борьбой за внимание и признание. Причудливые образы несуществующих животных и иллюзорных миров, которые могут быть и детским рисунком, и картиной художника сюрреалиста, и экспонатом коллекции Ханса Принцхорна, историка и психиатра, собравшего в клинике Хайдельберга около 5000 работ душевнобольных, оказываются невербальным выражением того, что их авторы не в состоянии высказать иначе.

Жизненные кризисы и травматический опыт являются примерами конфронтации с ситуациями, которые Ясперс называл пограничными и в которых основополагающая, но в повседневности привычно скрытая, незащищенность экзистенции становится очевидной. Как известно, предпосылку пограничных ситуаций Ясперс видел в самой структуре *Dasein*, в противоречиях жизни, которые нельзя устранить или преодолеть как мнимые, но которые можно лишь выдерживать. Томас Фухс в эссе *Экзистенциальная уязвимость* показывает, каким образом пограничные ситуации – такие как неминуемая виновность, неизбежность свободы, брэнность собственного тела или конечность здесь-бытия – могут превратиться в пусковой механизм психического расстройств: это происходит в случаях, когда пограничная ситуация как таковая остаётся непонятой. Человек, предрасположенный к такому расстройству, может быть настолько «экзистенциально уязвимым», что даже внешне безобидные ситуации могут переживаться им как пограничные, конфронтация с которыми является невыносимой, и приводит, поскольку они не могут быть преодолены иначе, к манифестации психического заболевания.

В качестве примера, иллюстрирующего эту концепцию, автор приводит ипохондрическую уязвимость, состоящую в особой

чувствительности к неустранимой зависимости от собственного тела, его принципиальной подверженности болезням, уязвимости и брэнности, так что даже банальный феномен головной боли напоминает человеку о хрупкости его телесной экзистенции и неопределённости того, когда и каким образом его настигнет смерть. Ипохондрик пытается эту актуальную и постоянно переживаемую опасность болезни и смерти преодолеть посредством беспрестанного наблюдения, исследований и оздоровительных ритуалов. Тем самым доверительное отношение к своему телу незаметно подменяется восприятием его как телесного объекта, которым можно владеть и манипулировать.

В своём исследовании взаимосвязи телесности и жизненного мира Томас Фухс обращается и к тем влияниям, источником которых является современная биологическая наука, объясняющая наш опыт себя как результат генетических или нейронных процессов и обещающая в будущем совершенно «новый образ человека». Обратной стороной прогресса в естественнонаучном исследовании познаваемого мира становится такое отчуждённое восприятие физического материального мира, при котором такие категории, как смысл или красота, интерпретируются лишь как элементы биологических программ оптимизации гено типа – программ, которые допускают всевозможные технические вмешательства.

Эти тенденции – полагает автор книги – ставят феноменологию перед задачей защиты примата жизненного мира от ограничивающих обобщений и гипертрофированных объясняющих притязаний; в этом главным образом состоит задача третьей части, которая так и называется – *Защита жизненного мира*. Жизненный мир – это мир социального и культурного самопонимания людей, его общих смыслов и значений, от которых мы никогда не сможем отказаться в пользу некой предположительной и самой по себе существующей реальности. Естественные науки Нового времени исходили в своём развитии из практики жизненного мира; они покоятся на базе его значений и не могут интерсубъективно конституированный опыт повседневности ни совершенно обойти, ни объяснить как иллюзию.

Фухс пишет о том, что сегодня непосредственный телесный опыт всё чаще заменяется опосредованным, оторванным от жизненного мира, использующим разнообразные и всё более усложняющиеся технические средства. Мы уже не пишем от руки, не готовим на открытом огне и не передвигаемся пешком, а современный эксперт – это уже не столько тот, кто обладает серьёзным практическим опытом, сколько тот, кто много читал и изучал, а если и работал с препаратами и материалами, то – используя специальные приборы и аппаратуру. Автор отмечает характерное для современных естественнонаучных исследований, в частности исследований головного мозга, стремление свести всё многообразие и сложность человеческого духовного и душевного к конкретным материальным процессам, которые могут быть поняты и объяс-

нены на языке медицинских и технических понятий. В этих исследованиях, с одной стороны, присутствует надежда на возможность полного прояснения субъективности и интерсубъективности – вплоть до утопии чтения мыслей, а с другой – попытка поднять человеческий мозг на уровень «нового метасубъекта», трансцендентного творца мира и принимающего решения «органа свободы».

В заключение следует отметить, что автор не только критикует такого рода теории, но и предлагает свою «экологическую концепцию», касающуюся взаимосвязи духа человека с его материальным мозгом. В последнем эссе, названном *Воплощённая самость*, он предлагает и отстаивает три простых тезиса:

- мир находится не в голове;
- мозг не содержит никаких мыслей;
- мозг не является местом нахождения субъекта.

Ответ на вопрос о том, где же в таком случае находится субъект, завершает книгу Томаса Фухса, и его хочется привести целиком:

«Я, сознающий, переживающий и действующий субъект, не нахожусь в мозге, а являюсь единым целым со своим живым телом со всеми его биологическими функциями, делающими возможными мои осознанные состояния и поступки. Я – живое воплощённое существо – но это одновременно означает, что я вовсе не нахожусь в некотором ограниченном месте, некотором измеримом пространстве, но всегда выхожу за пределы своего тела в отношения с миром».

Ирина Глухова